

ЛИНГВОПРАГМАТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

СЛОВО, КОНТЕКСТ И КОММУНИКАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Иштван Кечкеш

Университет Штата Нью-Йорк, Олбани, США
1400 Вашингтон авеню, Олбани, Нью-Йорк, США 12222

В настоящей статье предпринимается попытка доказать, что существует динамическая связь между значением слова и контекстом. Она состоит в том, что значение слова создает контекст и оно создается им. Согласно большинству прагматистов контекст дает возможность слову проявить свои скрытые потенциальные возможности. Но это только одна сторона связи между словом и контекстом. На самом деле слова или словосочетания могут создавать свой контекст. Слова кодируют прежний опыт, прежнее переживание и прежние контексты употребления данного слова или выражения. Слово является складом прежних ситуаций, в которых оно было употреблено. Можно сказать, что слово — это склад прежних контекстов, или преконтекстов. Знание внешнего мира появляется в двух типах контекста: 1) актуальные, ситуативные, внеязыковые контексты, 2) «Старые», предыдущие, прежние контексты, закодированные в словах и других лингвистических единицах (см. Kecskes 2004, 2008, 2013). В статье представлена динамическая модель значения (ДМЗ), которая описывает то, как актуальное коммуникативное значение порождается в результате столкновения закодированных в лексических единицах «старых», предыдущих контекстов и актуального ситуативного контекста, в котором данное высказывание употребляется.

Ключевые слова: значение слова, коммуникативное значение, ситуативный контекст, пре-контекст, динамическая модель значения.

1. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ПРАГМАТИКИ

Современные теории прагматики (Neo-Gricean Theory, Relevance Theory) предполагают зависимость значения слова от контекста и постулируют порождающую силу контекста (Wittgenstein 1953; Barsalou 1993; Evans 2006). Значение изучается в прагматике в составе контекста. G. Leech дает определение прагматике как учению о ситуативном значении высказывания [1]. Неограйсовская теория (Bach 1994; Horn 2005; Levinson 2000) и теория релевантности (Carston 2002, 2005; Sperber and Wilson 1995) согласуются в том, что лексическое значение слова неопределимо без контекста и обуславливается им. Эта идея не нова, потому что в теории языка, начиная с раннего средневековья, неоднократно утверждалось, что слово вне контекста вообще не обладает значением.

В чем заключается могучая сила актуального ситуативного контекста? Согласно большинству прагматистов контекст дает возможность слову проявить свои скрытые потенциальные возможности.

В современной прагматике различают имплицатуры говорящего — имплицитную информацию, которую закладывает говорящий, и инференции — то, что извлекает слушающий. Речевая деятельность в процессе коммуникации предполагает наличие одновременно двух планов восприятия: со стороны говорящего — того, кто порождает высказывание, и со стороны слушающего. Говорящий, создавая высказывание, осуществляет контроль над тем, что и как он говорит, как он оформляет свои мысли. Слушающий интерпретирует высказывание говорящего, и его интерпретация может не совпадать с содержанием, заложенным в данном высказывании говорящим [2].

Таким образом, могут возникать факторы конфликтного риска, которые обуславливаются противоречиями порождения текста и его восприятия. В этой статье нас прежде всего интересует вопрос о роли слова и контекста в возникновении речевого конфликта.

2. РОЛЬ КОНТЕКСТА И СЛОВА

Контекст — это условия употребления слова, позволяющие уточнить его значение. В лингвистике контекст — это любой фактор — лингвистический, физический, общественный, — который влияет на интерпретацию лингвистических знаков. Это может быть языковое окружение, ситуация речевого общения или среда, в которой существует объект. Контекст — это все, кроме данного лингвистического знака. По современным теориям прагматики контекст ответственен за все. В следующем анекдоте контекст играет избирательную и уточняющую роль:

(1)

— *«Ты что это там, Маничка, так громко читаешь!?» — «Историю, мама».*
— *«Так читай про себя».* — *«Да в Истории, мамочка, про меня ничего не написано»*
(журнал «Сатирикон»).

Роль контекста уже не так ясна в следующем предложении:

(2)

— *Мне с Вами скучно, мне с Вами спать хочется.*

В этом предложении слово «спать» может иметь и буквальное, и фигуральное значение. Для его однозначной интерпретации необходимо больше контекста, который бы играл уточняющую роль.

А какую роль играет слово? Разве слово не обладает той же могучей силой, что и контекст, при определении значения? Следующие фразы помогают нам дать ответ на этот вопрос:

(3)

— *Миша, где ты пропал? Наташа о тебе спрашивала.*
— *Юра, где ты пропал? Темно уже. Я уже пережить начала. Раздевайся и быстро ешь.*

Слово «пропадал» имеет одно и то же значение в обоих высказываниях. Если слово «пропадал» употребляется в других контекстах, его значение также не меняется:

(4)

— *И где ты пропадал так долго? Тебя искали по всему городу, но тебя нигде не было. Даже твои друзья не знали, где ты.*

Оказывается, что слово тоже может обладать той же могучей силой, что и контекст, при определении значения. На самом деле слова и словосочетания могут создавать свой контекст.

3. ПОДХОД К СЛОВУ И КОНТЕКСТУ

Подход к слову и контексту значительно различается в русском и англо-американском языкознании. Он определяется двумя взаимосвязанными факторами — типологией языков и исследовательской традицией.

Классификации языков имеются разные. Chomsky (1982), Hale (1982), Marácz & Muysken (1989) и другие различали конфигурационные языки и неконфигурационные языки на основе того, как организуются слова в предложениях. В таких конфигурационных языках, как английский язык, порядок слов определяет грамматические отношения между ними, и логический объект обычно совпадает с грамматическим объектом. Например:

(5)

John broke the glass. (Иван разбил стакан.)

To see this film is a must. (Посмотреть этот фильм надо обязательно.)

Children like cats. (Дети любят кошек.)

Обычно любое изменение порядка слов в английском предложении ведет к нарушению грамматических норм и делает предложение неправильным:

Broke John the glass. (Разбил Иван стакан.)

В неконфигурационных языках, как, например, в русском, грамматические отношения обозначают суффиксы и окончания, а не порядок слов, и разные перестановки порядка слов допустимы без изменения основного значения предложения. Порядок слов играет прагматическую роль. Например:

(6)

Дети любят кошек.

Дети кошек любят.

Кошек дети любят.

Кошек любят дети.

Любят дети кошек.

Любят кошек дети.

Конечно, конфигурационность — это не дихотомия, а континуум, на котором слева располагаются конфигурационные языки (как, например, английский, немец-

кий), и с движением направо постепенно увеличиваются характерные черты неконфигурационных языков (таких как, например, турецкий, русский, венгерский).

Так как русский язык является неконфигурационным языком, в исследовательской традиции русского языка главное внимание уделяется слову и его поведению в процессе строения предложения. Выдающиеся ученые русской исследовательской традиции ставят слово в центр описания языка.

Исходя из мысли о тесной взаимосвязи и обусловленности всех сторон языка, В.В. Виноградов (1947) описывал морфологию с учетом ее синтаксического функционирования. Л.С. Выготский (1960) сблизил факт развития значения слова с фактом развития сознания. Для него слово является аппаратом, отражающим внешний мир в его связях и отношениях.

4. ДВЕ СТОРОНЫ КОНТЕКСТА

Возникает вопрос: обладает ли слово смысловой самостоятельностью? К этому вопросу имеются противоположные подходы:

— «В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте...» [3. С. 303];

— «Вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми его значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [4. С. 14].

Что такое «абсолютная изоляция?» Можно ли говорить об абсолютной изоляции слова, как это делает Л. Ельмслев? Возьмем следующее высказывание без контекста: «*Слушай*». Разве оно не имеет никакого значения без контекста? Нет, это не так. Слово порождает контекст, создает контекст. В сознании человека порождается значение на основе предыдущих опытов со словом. Например, в моей голове появляется жена, которая обычно так обращается ко мне: «*Слушай*» (“Let me tell you something”). Или возьмем следующий разговор:

(7)

— *Саша, телефон.*

— *Я в туалете.*

— *Ладно.*

Мы точно знаем, где и как происходит разговор, потому что слова создают контекст. Значит, возникает вопрос: Слово — это разве не контекст? Что кодируется в слове? Что скрыто в потенциальных возможностях слова? Факты указывают на то, что слова кодируют прежний опыт, прежние переживания и прежние контексты употребления данного слова или выражения. Оказывается, слово — это тоже контекст. Оно является складом прежних ситуаций, в которых слово было употреблено. Можно сказать, что слово — это склад прежних контекстов [5; 6]. Слова в нижеследующих предложениях имеют определенные метафорические значения, на основе прежних употреблений, укоренившихся в опыте говорящего.

(8)

— Ты выйдешь за меня?

— К чему она клонит?

— Я слышал, что ты скоро покинешь нас.

Ресурсы языка всегда ориентированы на ранее известную реальность. Новым знаниям всегда не хватает языка. Язык отражает ранее известную реальность, но он готов изменяться, как это требуют социально-культурные факторы. Появление новых слов и словосочетаний — это реакция языка на перемены общественно-политической и экономической жизни общества, обусловленные временем. Новые слова появляются, чтобы обозначать новые явления в обществе, как, например, слова *перестройка*, *гласность* во второй половине 80-х гг., или выражение *утечка мозгов* (brain drain), которое является калькой из английского языка.

С другой стороны, изменения, происходящие в самом языке с использованием «старых» слов и словосочетаний, говорят о внутренних возможностях самого языка. История изменения значения слова *товарищ* явно показывает, как общественные изменения отражаются в языке. Лексическое значение слова кодирует контексты, в которых оно было употреблено.

Актуальный контекст лишь реализует то, что заложено в самом слове. Ю.В. Фоменко был прав, когда сказал, что «Слово не приспосабливается к контексту, не деформируется, не переделывается в нем», а используется в том значении, в котором говорящий употребляет его [7]. С.Д. Кацнельсон тоже отметил, что «Контекст в таких случаях, не генератор значений, а их внешний ‘проявитель’» [8].

Факты указывают на то, что слова, кодирующие прежние контексты употребления данного слова или выражения, играют такую же важную роль при определении актуального значения данного слова, как и актуальный контекст употребления. Следующий пример ясно показывает эту определяющую роль:

(9)

- Юра, пойдем пиво пить.
- Нет, не могу. **Доктор** не разрешает.
- *Что с тобой?*

(10) Слово меняет контекст

- Юра, пойдем пиво пить.
- Нет, не могу. **Теща** не разрешает.
- *Что с тобой?*

Изменение слова «*доктор*» на слово «*теща*» вызывает изменение в значении выражения *Что с тобой?* и целого актуального контекста.

Обсужденные выше факты указывают на то, что знание внешнего мира проявляется в двух типах контекста:

- актуальные, ситуативные, внеязыковые контексты,
- «старые», предыдущие, прежние контексты, закодированные в словах и лингвистических единицах, или преконтексты.

Динамизм контекста выражается в том, что слова порождают, то есть создают актуальные контексты, и контексты порождают, создают значения слов [5]. Значит, существует диалектическая связь между двумя сторонами контекста. Язык создает контекст, и он создается им. Ю.М. Лотман тоже считает текст не только генератором новых смыслов, но и конденсатом культурной памяти. «Текст обладает спо-

способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах», — пишет он, называя этот феномен памятью текста [9].

Современные теории прагматики обычно игнорируют диалектическую связь между двумя сторонами контекста и соглашаются в том, что лексическое значение слова неопределимо без контекста. Неограйсовская теория (*Neo-Gricean Theory*) описывает процесс коммуникации с точки зрения говорящего, и теория релевантности (*Relevance Theory*) с точки зрения слушающего. Значит, чтобы описать весь процесс коммуникации, нам нужна модель, которая:

- осознает диалектическую связь между двумя сторонами контекста,
- показывает, как в процессе коммуникации изменяется доминирование той или другой стороны контекста,
- описывает процесс коммуникации с точки зрения обоих участников — и говорящего, и слушающего.

5. ДИНАМИЧНАЯ МОДЕЛЬ ЗНАЧЕНИЯ (ДМЗ)

Фигура ДМЗ внизу демонстрирует, как разные стороны контекста и перспективы говорящего и слушающего связываются и состязаются в процессе коммуникации [5; 10—12]. Личный контекст говорящего, который закодирован в лексических единицах и оформлен в высказывании, произносится в актуальном ситуационном контексте. Результат этого процесса — высказывание, имеющее актуальное коммуникативное значение (рис. 1).

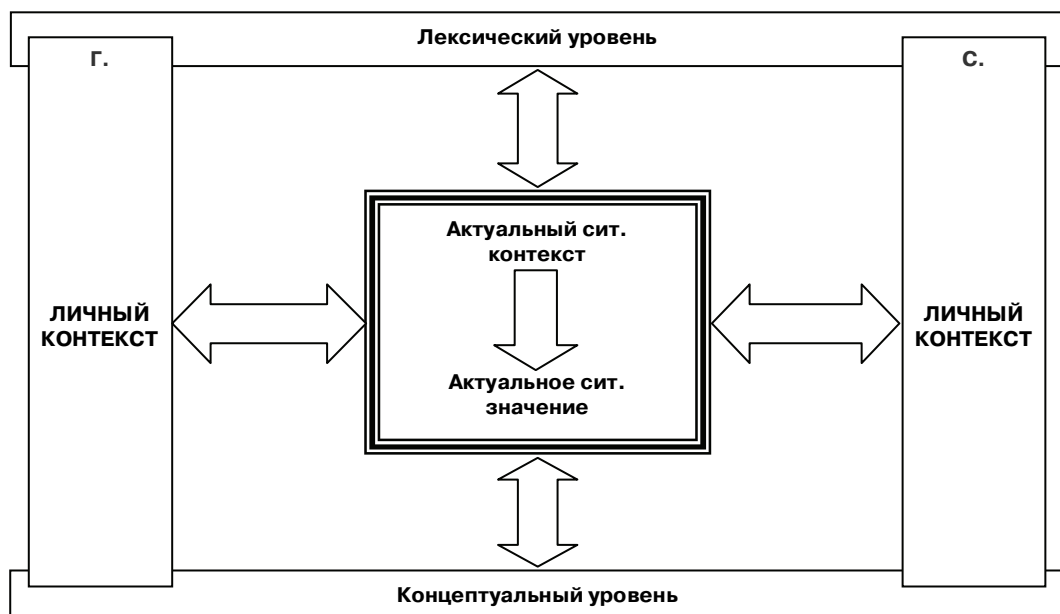

Рис. 1. Фигура ДМЗ

С точки зрения слушающего актуальное коммуникативное значение создается следующим образом. Личный контекст говорящего интернализируется слушающим и состязается в его голове с его личными контекстами. Актуальное комму-

никативное значение возникает в результате столкновения личного контекста говорящего и личного контекста слушающего в актуальном ситуативном контексте. Следовательно, в акте коммуникации происходит столкновение старого с актуальным. Актуальное коммуникативное значение порождается в результате столкновения закодированных в лексических единицах «старых», предыдущих контекстов и актуального ситуативного контекста, в котором данное высказывание употребляется [11; 5].

В акте коммуникации цели говорящего и слушающего совпадают: как актуализировать закодированное. Но оба участника коммуникации подходят к закодированному в лингвистических знаках контексту и актуальному ситуативному контексту совершенно по-разному.

Говорящий: от закодированного в словах контекста — к актуальному контексту.

Слушающий: от актуального контекста — к закодированному в словах контексту.

6. РЕЧЕВОЙ КОНФЛИКТ

По ДМЗ столкновение старого с актуальным и расхождение перспектив говорящего и слушающего являются естественными факторами коммуникации. Опыт и перспективы говорящего и слушающего часто расходятся. Следовательно, речевой конфликт должен считаться исходным качеством речевой коммуникации. Я бы хотел подчеркнуть, что здесь речь идет не о «речевом конфликте» в прямом смысле этого слова, не о том «речевом конфликте», который В.С. Третьякова определяет так: «Речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими — негативными — средствами языка и речи. Такие речевые действия говорящего — субъекта речи — определяют речевое поведение другой стороны — адресата: он, осознавая, что указанные речевые действия направлены против его интересов, предпринимает ответные речевые действия подобного рода, выражая отношение к предмету речи или собеседнику. Эта противонаправленная интеракция и есть речевой конфликт» [13].

Речевой конфликт в ДМЗ вытекает из того, что личные контексты говорящего и слушающего, закодированные в тех же самых словах на основе личных опытов или в тех же самых лингвистических выражениях, часто расходятся. Личный контекст — это та рефлексия, та перспектива, та часть ситуативных контекстов, которые кодируются в слове. У каждого из нас есть свои собственные представления об «одних и тех же» событиях даже в том случае, когда мы говорим на «одном и том же» языке [14. С. 83]. В то же время косвенные, небуквальные значения есть проявление контекстуальной относительности всех наблюдений, так как они показывают, что социокультурный контекст и коммуникативное намерение влияют на наши мнения о том, как функционирует то или иное высказывание. Социокультурный контекст составляют личностные, социальные и культурные знания, чувства, ценности, идентичности и взаимоотношения, релевантные в данном взаимодействии.

В определенной ситуации то или иное слово может пониматься не в том значении, в котором употребляет его говорящий, а в совершенно ином, что становится причиной недоразумения. Например:

(11)

- А что вы скажете насчет *Носорога*?
- А что насчет *носорога* сказать? По-моему он похож на бегемота.
- Да нет. Я имею в виду «*Носорога*» Ионеско.
- Ну, это, наверное, какая-нибудь новая порода.
- Что вы? Это пьеса французского писателя.

7. КАК СТАЛКИВАЮТСЯ ПРЕЖНИЙ КОНТЕКСТ И АКТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ?

Новые результаты исследования в области когнитивной психологии указывают на два важных для прагматического анализа факта. В начальной фазе коммуникативного действия наблюдается эгоистический подход говорящего, который действует по следующему принципу: что мне ясно, важно и понятно, то ясно, важно и понятно собеседнику (Barg and Keysar 2005; Kecskes 2007; Keysar 2007). Слушающий тоже имеет эгоистический подход к интерпретации. Очень важно добавить, что этот эгоистический подход говорящего и слушающего не является негативным явлением, потому что он объясняется влиянием предыдущих контекстов. В начальной фазе интерпретации доминирует само отмеченное для слушающего значение высказывания (Keysar and Henly 2002, Barg and Keysar 2005, Giora 2003).

Выражая свою коммуникативную цель, говорящий не обращает достаточного внимания на предполагаемый общий грунт и кооперацию со слушающим. Это поведение инстинктивное и не преднамеренное. Например:

(12)

- Джимми, покажи, куда идти, а вы, парни, принимайтесь за работу.
- Неплохо бы с «пожалуйста».
- А ну еще раз?
- Я говорю, неплохо бы с «пожалуйста».
- Вот что, умник. Я сюда пришел не «пожалуйста» говорить. Я тебе говорю, что надо сделать. И если у тебя еще осталось чувство самосохранения, то делай, что тебе говорят, и побыстрее. Я пришел тебе помочь. А если мою помощь не ценят, то это ваши проблемы.
- Я не имел в виду ничего плохого. Просто я не люблю, когда на меня гавкают. (Квентин Тарантино. «Криминальное чтиво»)

Коммуникативное поведение слушающего можно объяснять с помощью теории градуированной отмеченности (*graded salience*). Гиора писала о том, что существует наиболее отмеченное для слушающего значение языковых единиц (Giora 1997, 2003). В процессе интерпретации, независимо от контекста, это значение автоматически выдвигается на передний план. Если актуальный ситуативный контекст утверждает это значение, тогда процесс интерпретации продолжается. Если наиболее отмеченное значение слова не согласуется с актуальным ситуативным контекстом, тогда происходит поправка в интерпретации.

Гиора полагает, что в процессе интерпретации приоритет должен придаваться не буквальному значению, а наиболее отмеченному значению, которое по своей природе может быть как буквальным, так и косвенным.

Наиболее отмеченное значение слов или языковых единиц можно определить так: это самое вероятное значение из всех возможных значений [15]. Например, какое значение слова «*переживать*» является наиболее отмеченным? Трудно сказать, потому что личный опыт со словом или выражением меняется от говорящего к говорящему. Но все-таки в одном нашем эксперименте 78% из 23 русскоговорящих студентов согласились в том, что самое отмеченное значение слова «*переживать*» — это волноваться, беспокоиться о ком-чем-нибудь. Например, «*переживать*» за сына или за любимую команду.

Что влияет на отмеченность слов? Гиора (2003) говорит о том, что больше всего частота, общепринятость и предсказуемость влияют на то, как меняется отмеченность диахронически. В ДМЗ самое отмеченное значение слова определяется социально-культурными факторами употребления. Основная разница между теорией градуированной отмеченности и ДМЗ состоит в том, что в ДМЗ наиболее отмеченное значение языковых единиц имеет психологическую реальность не только для слушающего, но и для говорящего. При выражении интенции говорящий подбирает слова, которые являются наиболее отмеченными (поэтому и подходящими) для выражения его интенции. Например:

(13)

— Маша! Здравствуй!

— Здравствуй, Нина. Прости, но я совсем тебя не узнала.

— Да, это неудивительно. *Расплылась* я до неприличия.

— Ну что ты! Это тебе даже идет.

В ДМЗ градуированная отмеченность влияет на коммуникативную деятельность говорящего и слушающего по-разному. Говорящий подбирает самые подходящие для выражения своей интенции слова из группы наиболее отмеченных конкурирующих слов. Значит, здесь мы имеем дело с межсловной отмеченностью. Например, в диалоге (13) конкурирующими словами-синонимами являются «*располнеть*», «*растолстеть*», «*потолстеть*», «*пополнеть*» и другие, но говорящим выбирается слово *расплыться*.

В процессе интерпретации слушающий опирается на механизм внутрисловной отмеченности. Следовательно, градуирование в этом случае опирается на многозначность слов. Например, в выражении “*Что ты так переживаешь, радоваться надо*” конкурирующими значениями слова *переживаешь* являются:

— волноваться, беспокоиться о ком-чем-нибудь,

— мучиться, страдать по какому-нибудь поводу,

— испытать, изведать.

При изучении и употреблении иностранных языков одной из главных причин коммуникативных неудач является расхождение в отмеченности. Опыт изучающего язык очень отличается от языкового опыта носителя языка. Следующий диалог

демонстрирует, что прежний опыт американского парня Боба не содержит употребления слова «*попасть*» в переносном смысле.

(14)

Саша: — Боб, как ты сюда *попал*?

Боб: — Я не попал, я летел.

8. ВЫВОДЫ

Согласно современным теориям прагматики, коммуникация — это кооперация между участниками и поиск релевантности. Задача говорящего заключается в том, чтобы на основании известных ему представлений слушающего (его знания значений сравниваемых форм, знания предшествующего и более широкого контекста, представлений о мире и т.п.) решить, какая из возможных оформлений своей интенции будет лучше понята слушающим. Понимание с необходимостью включает в себя выводы, которые надо делать слушающему, чтобы восстановить замысел говорящего, и эти выводы как раз и будут делаться на основании всех перечисленных сведений. Задача адресата — осознать намерение собеседника, расшифровать, «вычислить» его на основе всех знаний и фактов, которыми он располагает. От степени точности вычисленного прагматического значения зависит характер вербальной и/или поведенческой реакции адресата и качество акта коммуникации — в зоне гармонического или дисгармонического общения [16].

Динамическая модель значения (ДМЗ) описывает процесс коммуникации с точки зрения обоих участников — и говорящего, и слушающего. Она указывает на то, что коммуникация — это, в первую очередь, столкновение, конфликт, выражение эгоистических и кооперативных стремлений и намерений участников речевого процесса. ДМЗ объясняет диалектическую связь между двумя сторонами контекста. Слово — это тоже контекст. Оно не приспосабливается к контексту, не деформируется, не переделывается в нем, а используется в том значении, в котором говорящий употребляет его. ДМЗ описывает то, как в результате столкновения закодированных в лексических единицах «старых», предыдущих контекстов и актуального ситуативного контекста, в котором данное высказывание употребляется, порождается актуальное коммуникативное значение. Динамическая модель значения также показывает, как изменяется доминирование той или иной стороны контекста в процессе коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Leech Geoffrey*. Principles of Pragmatics. — London: Longman, 1983.
- [2] *Третьякова В.С.* 2004. Речевой конфликт и аспекты его изучения. Юрислингвистика-5: Сервер электронных публикаций ММЦ АГУ.
- [3] *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. — М., 1960. — Т. 1. — С. 303.
- [4] *Виноградов В.В.* Русский язык. — М., 1947.
- [5] *Kecskes I.* Dueling context: A dynamic model of meaning // Journal of Pragmatics. — 2008. — Vol. 40. — Issue 3. — P. 385—406.
- [6] *Kecskes I.* Intercultural Pragmatics. — Oxford, UK: Oxford University Press, 2013.

- [7] *Фоменко Ю.В.* Человек, слово и контекст (Концепция человека в современной философской и психологической мысли. — Новосибирск, 2001. — С. 164—168).
- [8] *Кацнельсон С.Д.* Категории языка и мышления: Из научного наследия / Отв. ред. Л.Ю. Брауде. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
- [9] *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: человек — текст — семиосферы — история. — М., 1966.
- [10] *Kecskes I.* Situation-Bound Utterances in L1 and L2. — Berlin/New York: Mouton, 2003.
- [11] *Kecskes I.* Lexical merging, conceptual blending, cultural crossing. — 2004.
- [12] *Kecskes I.* On My Mind: Thoughts about Salience, Context, and Figurative Language from a Second Language Perspective // *Second Language Research*. — 2006. — Vol. 22. — No. 2. — P. 219—237.
- [13] *Третьякова В.С.* Конфликт как феномен языка и речи // *Известия Уральского государственного университета*. — 2003. — № 27.
- [14] *Gee James P.* Introduction to discourse analysis: Theory and method. — New York: Routledge, 1999.
- [15] *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

WORD, CONTEXT AND COMMUNICATIVE MEANING

Istvan Kecskes

State University of New York, Albany, USA
1400 Washington avenue, Albany, NY, 12222

This paper discusses the dynamic relationship of word meaning with context, which implies a reciprocal process between the two. On the one hand context specifies word meaning, and words can create their own context. According to current pragmatic theories meaning depends on its context. However, this is only one side of the matter. Words encoding standard prior contexts can create their own context. World knowledge is available for us in two forms: 1) Actual situational context in which the interaction occurs, and 2) Lexical units that encapsulate the history of their use, i. e., the situations in which they have been used (see Kecskes 2004, 2008, 2013). The paper introduces the Dynamic Model of Meaning that explains how actual communicative meaning is created as the result of the interplay between prior context encoded in the words used in the utterance and actual situational context in which the interaction takes place.

Key words: word meaning, communicative meaning, situational context, prior context.

BIBLIOGRAPHY

- [1] *Tretiakova V.S.* 2004. Rechevoi konflikt iaspekti ego izuchenia [Speech conflict and aspects of its studying], *Yurilinguistica-5: Server elektronnikh publikatsii MMS AGU*.
- [2] *Elsmlev L.* Prolegomeni k teorii yaziki [Prolegomens to the theory of language] // *Novoe v lingvistikie*. — М., 1960. — Т. 1. — P. 303.
- [3] *Vinogradov V.V.* Russkii yazik [Russian Language] — М., 1947.
- [4] *Fomenko Yu V.* Chelovek, slovo i kontekst [Man, word and context]. — Novosibirsk, 2001. — P. 164—168.

- [5] *Katsnelson S.D.* Kategorii yazika i mishlenie [Language categories and consciousness] / Otv. red. L.Yu. Braude. — M.: Yaziki slavianskoi kulturi, 2001.
- [6] *Lotman M.Yu.* Vnutri misliashikh mirov: chelovek — text-semiospheri — istoria [Inside worlds: man-text-semiosphere-history]. — M., 1966.
- [7] *Tretiakova V.S.* Konflikt kak fenomen yaziki i rechi [Conflict as language and speech phenomena] // *Izvestia Uralskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. — 2003. — № 27.
- [8] *Paducheva E.V.* Dinamicheskie modeli v sematike leksiki [Dynamic models of meaning]. — M.: Yaziki slavianskoi kulturi, 2004.